

АРУТЮНОВА Н. Д.

АНОМАЛИИ И ЯЗЫК

(К проблеме языковой «картины мира»)

Памяти Георгия Владимировича Степанова — друга и коллеги

И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил
(Пушкин)

Сама себе закон — летишь, летишь ты
мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит
(Блок)

I.

Нельзя, конечно, утверждать, что норма, правило и порядок хороши тем, что порождают отклонения, нарушения и беспорядок. Достаточно очевидно, однако, что эта последняя категория явлений играет заметную роль как в действии механизмов жизни и языка, так и в их познании. Сент-Экзюпери заметил, что «жизнь творит порядок, но порядок не творит жизни».

В известном споре между аналогистами александрийской школы, требовавшими унификации морфологических парадигм, и стойками пергамской школы, отстаивавшими языковые аномалии, и те и другие по-своему правы. Этот спор поучителен тем, что в нем сторонники неупорядоченности выступали как хранители традиции, а поборники стандартных форм — как ее противники [1]. Нормализация языка может как запретить, так и санкционировать отход от парадигмы. В последнем случае исключение становится правилом, а борьба против исключений — борьбой против правил.

Норма и аномалия не разделены глухой стеной. Покажем это на следующем примере. Жизнь в обществе предполагает специализацию. Каждая специальность способствует не только гипертрофии определенных знаний и навыков, но иногда и физическим модификациям. В большинстве случаев ни сама специализированность, ни вызванные ею физические изменения (например, гипертрофия мышц у тяжелоатлетов) не рассматриваются как явление аномальное. Это видно уже из того, что в данной области, как ни в какой другой, действуют нормы и стандарты. Предполагается, что специализация есть развитие природных данных человека, а не нарушение пропорций. Вместе с тем искажающий эффект профессиональной деятельности (например, искривление ног у кавалериста) воспринимается как нарушение природных форм. Судить о том, что соответ-

ствуется замыслу Природы, а что его искажает, не просто, а в применении к «специализированным» животным (например, мопсам и таксам) и сельскохозяйственным культурам, в особенности гибридным, и вообще невозможно. Впрочем, в этом нет нужды, поскольку понятие нормы приложимо ко всему, что служит интересам человека.

Польза порядка очевидна, польза отклонений от нормы нуждается в обосновании. Некоторый свет на роль аномальных явлений в развитии мысли проливают данные языка. В еще большей степени ее освещают многочисленные факты из истории науки.

Человек воспринимает мир избирательно, и прежде другого он замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания¹. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. «Расчисленный круг светил» воспринимается как повседневно; «беззаконная комета» пугает: «Кометы грозной и хвостатой Ужасный призрак в вышине» (Блок). Аномалия часто загадочна или опасна. Она, поэтому, заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь). И то и другое требует усилий. Было бы неэкономно доводить до сведения других все то, что соответствует норме. Сообщают о девиациях и изменениях в порядке вещей. Более того, умолчание о чрезвычайных событиях может расцениваться как сокрытие. Социальные правила и нормы избавляют человека от принятия решений (выбора) и ненужной информации.

Понятие причины и причинных отношений, фундаментальное для развития систем знаний, сформировалось под давлением аномальных фактов. Человек ищет причины болезней и не задумывается над тем, почему он здоров. На поиск причин наводят расстройства в микро- и макрокосмосе. Обнаружение причин подает надежду на предотвращение девиаций. Причины стремятся выяснить и устранить. Если же речь идет об обеспечении того, что необходимо для достижения положительных целей, то говорят не о причинах, а об условиях: условия с о з д а ю т, причины у с т р а н я ю т. Глагол *причинять* сочетается с обозначением отрицательных аномальных явлений: вред (зло) п р и ч и н я ю т, пользу (добро) п р и н о с я т.

Греческое слово *aitia* «причина» означало также вину, ответственность за вред или зло. Это значение, давнее серию производных (*anaitiós* «невиновный», *aitiama* «вина», преступление» и др.), преобладало в языке юриспруденции. В языке философии на первый план выдвинулось значение причины (ср. такие производные, как *aitiōdēs* «каузальный», *aitiologikos* «этиологический»). В языке же медицины *aitia* означало «болезнь». Раздел медицины о причинах болезней называется этиологией. В этом слове пересеклись философское и медицинское семантические поля. По модели греческого *aitia* отчасти развивалось значение лат. *causa* «причина», корень которого вошел в такие производные, как *accusatio* «обвинение» [5]. Финское *suu* также совмещает значения причины и вины [6].

В сообщениях о девиациях ощутима позиция обстоятельства причины. Ее нередко замещает неопределенное местоимение (наблюдение Е. М. Вольф): *Поезд п о ч е м у - т о опоздал; П о ч е м у - т о мне хочется есть, хотя еще не время обеда.* Т. М. Николаева отметила употребление

¹ В гештальтпсихологии принято говорить о контрасте «фигуры» и фона (*figure and ground*), введенном в начале века датским психологом Э. Рубином в изучение процессов восприятия (главным образом, зрительного). Эти понятия нашли себе применение в современной лингвистике при анализе грамматических категорий (различение фигуры и фона аналогично различению маркированных и немаркированных членов оппозиции: ср. [2, 3]). Они используются также в исследованиях структуры текста для различения планов повествования [4]. Здесь существенно подчеркнуть, что подход с позиций фона/фигуры связывает явления языка с восприятием.

неопределенных местоимений *что-то* и *какой-то* в высказываниях, обозначающих ненормативные ситуации: *Какой-то хлеб сегодня несвежий! Что-то сон одолевает*. По ее мнению, в этих условиях местоимение относится ко всему высказыванию в целом [7]. И это, конечно, верно, поскольку за неопределенным местоимением скрыто указание на необъяснимость, немотивированность состояния (содержания пропозиции): *Какой-то он сегодня расстроенный. Что-то сосед рано вернулся с работы. Не случилось ли чего?* В диалоге за таким сообщением может последовать разъяснение причины: — *Что-то я устала, хотя и ничего особенного не делала.* — *Да как же ничего: ты ведь грядки вылолала, вот и устала.*

Ненормативное явление озадачивает. В ответной реплике причина выясняется, и это снимает удивление. Объяснить причину часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть нечто дотоле неизвестное (новую норму).

Предложения с сентенциональными местоимениями обычно не включают эксплицитного указания на причину. Не кажутся естественными предложения **Что-то я устала, оттого что грядки полола; *Сосед какой-то расстроенный, потому что жена от него ушла*. Это подтверждает, что оба неопределенные местоимения (*что-то* и *какой-то*) соотносятся с идеей причины. Местоимение *почему-то* также нельзя включить в сообщение о нормативном и регулярном; ср.: **Уже сентябрь; почему-то поспели яблоки* и *Уже сентябрь, но яблоки почему-то еще не созрели*.

Никого не спрашивают, почему он пришел вовремя, но могут спросить о причине опоздания. Опоздавший и сам спешит сослаться на чрезвычайные обстоятельства. Беспричинность работает на обвинителя. Причина создает смягчающее обстоятельство.

Итак, связь ненормативных явлений с концептом причины зафиксирована и в семантике и в синтаксисе.

Неукоснительные законы природы труднее обнаружить, чем законы, знающие отклонения. В 40-е гг. прошлого века был открыт Нептун. Открытию способствовали кажущиеся нерегулярности в орбитальном движении Урана (Уран был обнаружен в 1781 г.), объяснявшиеся воздействием со стороны еще неизвестного небесного тела, масса и местоположение которого были рассчитаны, и невидимая до тех пор планета не замедлила появиться в расчетном месте.

«Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки» [8]. Если бы, хоть изредка, отрываясь от ветки, яблоко летело вверх, закон всемирного тяготения, возможно, был бы сформулирован раньше (правда, он не был бы всеобщим). Грандиозность открытия Ньютона состоит в том, что он вывел формулу универсального закона. Его мысль победила всеобщий порядок. Ей помогла в этом математика. По выражению Д. Дидро, природа удостоила Ньютона своим доверием [9].

В работе под вызывающим названием «Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания» П. Фейерабевд в полемически заостренной форме пишет: «Как можно проверить нечто такое, что используется постоянно? Как можно проанализировать термины, в которых мы привыкли выражать свои наиболее простые и непосредственные наблюдения, как обнаружить их предпосылки? Как можно открыть тот мир, который предполагается в наших действиях? Ответ ясен: мы не можем открыть его изнутри. Нам нужен внешний стандарт критики, мно-

жество альтернативных допущений, или — поскольку эти допущения будут наиболее общими и фундаментальными — нам нужен совершенно иной мир — мир сновидений» [10].

В литературоведении этот прием хорошо известен. Он называется острашением. Именно с острашением связаны многоразличные языковые эксперименты, проливающие свет не только на устройство языка и регулирующие его употребление правила, но и на некоторые стороны мира и общества.

Манипулирование с семантикой и правилами коммуникации создало текст «Алисы», основная часть которого построена на не дающих новых смыслов аномалиях, тогда как риторические фигуры, эксплуатирующие языковые девиации, предполагают возможность их частичной редукции к стандартной семантике. Л. Кэрролл сталкивает разные системы правил, создавая этим эффект острашения. Столкновение высекает искру — прозрение в такие вопросы, как единство личности, тождество смысла, пределы власти человека над значением слова, внесубстанциональность признаков (улыбка чеширского кота), в вопрос о том, что есть правило вообще и правило коммуникации в частности и т. п.

Таким образом, опыты Кэрролла с семантическими аномалиями не следуют рецептам, предлагаемым риторикой, но они имеют точки соприкосновения с концептуальным анализом, особенно в версии позднего Л. Витгенштейна [11]. И там и тут игра в нарушение семантических и прагматических канонов имеет своей целью проникнуть в природу самого канона, а через него и в природу вещей². Раскрыть специфику текста «Алисы» значит указать на те правила, которые в нем нарушены, и на сам способ их нарушения [12], а также сформулировать те парадоксы, вопросы и сомнения, на которые наталкивают aberrации в пользовании речью [11]. Основное из этих сомнений касается осмысления правил.

Экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный — на их пределы. Известно, сколь неопределимую услугу оказывают языковедам отрицательные факты [15, 16].

2.

Рассмотрим в общих чертах строение концептуальных полей нормы и «антинормы». Термин «норма» используется нами как родовой: им мы обозначаем все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Первые отрабатываются в стремлении природы к равновесию — необходимому условию ее существования; вторые создаются в ходе целенаправленной деятельности человека. И природа, и общество постоянно нарушают свои правила и нормативы.

Под родовой концепт нормы подводится следующая серия частных, нечетко разграниченных групп понятий: 1) космос, порядок, упорядочен-

² Известна сосредоточенность Л. Витгенштейна на концепте правила. Этот его интерес был связан с общей философской проблемой существования микропорядка. В записной книжке Витгенштейна есть на это прямое указание: «Основная проблема, вокруг которой вертится все, что я пишу, сводится к вопросу: есть ли в мире порядок а priori, и, если есть, в чем он состоит» [13]. Эксперименты над языковыми, коммуникативными, игровыми и др. правилами были для Витгенштейна своего рода лабораторной работой, ведущей к прояснению более общей проблемы. Природе правил в настоящее время посвящена большая литература [14].

ность, сформированность, система, структурированность; 2) строй, гармония, лад, пропорциональность (соразмерность), ритм, регулярность, уравновешенность, слаженность, инертность; 3) кодекс, закон, заповедь, запрет, норма, правило (учредительное, регулятивное), конституция, предписание (прескрипция), инструкция, установление, указ, статут, договор; 4) режим, регламент, расписание, распоряжок, последовательность, связность, непрерывность (континуальность), цикл; 5) канон, парадигма, модель, образец, трафарет, форма, стереотип, стандарт, тип; 6) направление, курс, план, программа, алгоритм; 7) организм, организация, механизм, целостность, кругооборот. Нормативные концепты объединены некоторым «фамильным сходством», не предполагающим наличия у всех групп единого понятийного ядра. Концепт нормы соотносится с модальностями должностования (нормы в человеческом обществе), необходимости (неукоснительные законы мироздания), вероятности (среднестатистические нормы).

Соответствовать норме и соблюдать порядок значит быть «как все» и «как всегда», но это также значит быть и *comme il faut*, и порядочным. Поле нормативности граничит с концептами обыденности, ординарности, предсказуемости, привычности (обычное, обыденное, повседневное, монотонное, рядовое, заурядное, посредственное, неувидительное, закономерное, ожидавшееся, привычное, машинальное, автоматическое, заведенное и пр.). Привычка — это слабо мотивированная норма индивидуального поведения.

Если рассматривать концепт нормы безотносительно к характеру отклонений, то он варьируется по следующим основным признакам³: 1) возможность/невозможность отклонений (абсолютность/относительность), 2) социальность/естественность («рукотворные»/«нерукотворные» нормы), 3) позитивность/негативность (рекомендательные/запрещающие правила), 4) растяжимость (вариативность)/стандартность (среднестатистические/точные нормы), 5) диахронность/синхронность (закономерности развития/правила функционирования). 6) престижность/непрестижность (для социальных норм).

Большой интерес представляет собой концептуальное поле ненормативности («антинормы», антипорядка). В него входят имена действия и результата действия. Эти значения обычно объединены. Если по возможности придерживаться схемы концептов поля нормы, то получим следующее распределение понятий в соотносительном с ним поле «антинормы»: 1) хаос, аморфность (бесформенность), смешанность, недискретность, нерасчлененность (диффузность); 2) дисгармония, несоразмерность (непропорциональность), неслаженность, аритмия (неритмичность), прерывистость, нерегулярность, бессвязность, перебой, сбой, разноряд; 3) беззаконие, анархия, беспорядок, безалаберность, непорядок, путаница; 4) аномальность, неправильность, искажение, ошибка, нарушение, преступление, погрешность, брак; 5) нетипичность (атипичность), несообразность, неканоничность, апокрифичность, нестандартность, оригинальность; 6) отклонение, отход (от курса), девиация, невыполнение программы, плана), заблуждение; 7) а) расстройство, дисфункция, ненормаль-

³ Классификация нормативных суждений разрабатывалась многими логиками, в частности фон-Вриггом [17] и А. А. Ивным [18]. В работах А. А. Ивина содержится обзор и критика разных таксономических систем и приводится обширная библиография по теме.

ность, патология; б) неполадка, поломка, авария, кризис, катастрофа, катаклизм⁴.

Для отклонений от нормы характерны следующие противопоставления: 1) возможность/невозможность превращения отклонения в норму, 2) градуированность/неградуированность отклонений, 3) позитивность/негативность отклонений, 4) престижность/непрестижность отклонений, 5) сознательность/нечаянность отклонений (в сфере человеческих действий), 6) наказуемость/ненаказуемость отклонений (в сфере поступков), 7) опасность/безопасность нарушений нормы.

Это поле граничит, с одной стороны, с такими концептами, как новшество, изобретение, преобразование и т. п., а с другой — с такими, как: а) редкое, необычное, из ряда вон выходящее, выдающееся, уникальное, индивидуальное, поразительное, обращающее на себя внимание, вызывающее и т. п.; б) спорадическое, случайное, непредсказуемое и др. К полю «антинормы» примыкает концепт устранения (ликвидация, исправление, налаживание, приведение в порядок, упорядочивание, восстановление и пр.).

Оппозиция нормы и отклонения от нормы функционально близка к оппозиции симметрии и асимметрии.

Концепт нормы применим практически ко всем сферам жизни — явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям (деонтические нормы), экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т. п. В сущности основные механизмы жизни сводятся к борьбе хаоса и космоса, закона и беззакония, отвечающим деструктивному и конструктивному началам, причем творчество связано как с тем, так и с другим.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обозначить последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве. Речь идет о едином цикле взаимосвязанных явлений, относящихся к разным сферам жизнедеятельности человека.

3.

Начнем с «пункта отправления». Восприятие мира, как уже говорилось, прежде всего фиксирует аномальные явления. Последние отделяются от любого фона. Известный персонаж Честертона пастор Браун рекомендовал прятать сухой лист в куче сухих листьев. Чтобы надежно укрыть жемчужину, пужна куча жемчуга. То, что не отделено от фона или среды погружения, трудно заметить, а о том, что осталось незамеченным, нельзя сообщить. Но даже регулирующее обыденную жизнь восприятие мелких фактов и привычных предметов не дает пищи для коммуникации. Мы имеем в виду, прежде всего, свободное общение (беседу, разговор), задача которого состоит не в передаче адресату нужных для определенных целей сведений, а в реализации фатической функции речи. В ходе свободного общения собеседники поддерживают друг друга в курсе своих дел и настроений, ставят в известность о событиях, меняющих курс жизни (сооб-

⁴ Большинство слов анализируемых полей входит в статьи «Порядок» и «Правила» «Русского семантического словаря» [19].

щают новости), делятся впечатлениями, переживаниями и планами, передают свои мнения, отзывы и оценки, советуются, спорят о вкусах, обнаруживают свои склонности (иногда фиктивные), забавляют и развлекают друг друга, откликаются на текущие события, сочувствуют и т. п. Структура и тематика свободного общения в каждом социальном кругу не настолько разнообразна, чтобы нельзя было с долей вероятности ее прогнозировать. Очевидны и основные ее принципы. Даже скучные собеседники выбирают для сообщений «отклоняющийся» жизненный материал. Повседневность не возбуждает коммуникативных центров. Еще меньше она привлекает интерес собеседника. Сообщения о том, как человек двигается, ест и пьет, если он это делает как все люди, может представить интерес для жителей Марса, но не Земли. Об этих акциях сообщают с позиций остранения. Смещение речевого содержания в сторону нестандартных ситуаций явно в таких жанрах, как рассказы о виденном в дальних странах, о приключениях и похождениях. Даже дети рассказывают друг другу «страшилки» о привидениях, похищениях и зловещих пятнах на стене [20]. Субститутом новостей служат остроты и анекдоты. Заключенный в них неожиданный поворот мысли эквивалентен неожиданному повороту событий.

Когда спрашивают «Случилось что-нибудь? Что произошло?», имеют в виду что-то выходящее за пределы заведенного порядка. Если порядок ничем не был нарушен, то считается, что ровно ничего не случилось, хотя жизнь не ведает пустоты. «Ничего» значит «ничего особенного». Если на вопрос «Как дела?» отвечают «Нормально», то такой ответ не требует конкретизации: норма жизни образует фоновое знание собеседников.

Для того, чтобы на законных правах войти в фатическую коммуникацию, огурец должен вырасти с гору, а гора родить мышь. Именно требование отхода от стереотипа жизни (а не от частного факта) порождает вымысел. Изменение размеров, количеств и параметрических пропорций составляет наиболее простой и наглядный вид девиаций, воспринимаемый даже ленивым воображением. Отклонение в сторону увеличения параметров обычно берет верх над «редукционизмом», великаны и великанши — над мальчиками-с-пальчик и дюймовочками. Лилипуты лъстят детям, гиганты воодушевляют взрослых.

Особенности восприятия мира, выделяющие отклонения от среднестатистического стандарта, и правила свободной коммуникации предъявляют свои требования к семантике параметрических слов. Структура восприятия и концептуальные системы основываются на сходных принципах. Более того, восприятие неотделимо от концептуального содержания сознания. Это одно из основных положений когнитивной психологии [21]. Концептуальные системы в значительной своей части реализуются лексической семантикой, которая должна в то же время отвечать и запросам коммуникации. В данном случае оба вида требований сходятся. Параметрическая лексика прежде всего фиксирует отклонения от нормы. В статье о параметрических прилагательных М. Бирвиш подчеркнул, что их значение определяется отношением к норме, но саму норму не специфицирует. Параметрические прилагательные выражают только факт наличия нормы, нормативность, составляющую общее свойство восприятия действительности человеком [22].

Сама норма, соответствующая срединной части градационной шкалы, имеет слабый выход в семантику. Ей соответствуют такие прилагательные, как *обычный, средний, нормальный, стандартный*, употребляющиеся безотносительно к параметру и позиции наблюдателя: прилагательное *средний* приложимо и к размеру, и к высоте, и к ширине, и к толщине

не, и к объему, и к весу. Уже Аристотель обращал внимание на то, что промежуточные концепты не всегда имеют названия [23]. Сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градационной шкалы, богато представлены в языке, а срединная часть — бедно. Концы шкал в области параметрических значений лексически разветвлены и изменчивы. Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции. Соответствующие концам шкалы прилагательные окружены экспрессивными синонимами. Примером могут послужить такие группы синонимов, как *маленький, малюсенький, крохотный, крошечный, миниатюрный, ничтожно малый, крошечка, капелька, чуточка, крупица*, — с одной стороны, и такие, как *большой, большущий, громадный, огромный, гигантский, грандиозный, колоссальный, неимоверный, чудовищный, великий, величайший; громадина, гигант, колосс, гора, глыба* и пр., — с другой.

Отрицание одного экстремального признака, если оно поначалу и обозначает норму, постепенно сдвигается к противоположному концу шкалы. Происходит семантическая рокировка: *большой — малый* → *немалый* (= большой) → *небольшой* (= малый). Закон концов шкалы побеждает.

Тенденция к обозначению отклонений от нормы характерна и для словообразовательных средств. Так, во многих языках распространены аффиксы привативного значения, создающие имена (прилагательные и существительные) «некомплектных» объектов: *безногий, безволосый, безрассудный* и пр. Антонимы привативных прилагательных обычно получают значение не наличия признака (если он входит в «комплект»), а его гипертрофии, т. е. обозначают также ненормативную ситуацию: *лобастый, носатый, глазастый, волосатый*. Можно говорить о «волосатой груди», но голову не называют волосатой; точно так же не назовут безволосой грудь, к голове же это прилагательное приложимо. Оба прилагательных — *безволосый* и *волосатый* — используются в тех случаях, когда имеет место отклонение от нормы.

Сложные прилагательные типа *длинноносый, вислоухий, косоглазый* также используются преимущественно для обозначения аномального или броского отличительного признака. Ряд словообразовательных моделей имеет тенденцию функционировать в сфере обозначений лиц по ненормативному, нежелательному, чрезмерному или регулярно практикуемому действию: *болтун, молчун, драчун, крикун; лентяй, слонтяй, скупердяй, разгильдяй; ломака, кривляка, забияка; халтурщик, комплиментщик, спорщик, жалобщик, выдумщик; бродяга, трудяга, работага, бедняга; хитрюга, жадюга, ворюга*. На этой семантической основе развивается обозначение лиц по склонности и профессиональной деятельности. Став профессиональным, чрезмерно практикуемое действие вводится в норму жизни. Префиксы используются для обозначения «промахнувшихся» действий: *перебросить, пережарить, передержать, недобросить, недожарить, недодержать*. В языках чрезвычайно распространены увеличительные и уменьшительные суффиксы (*добрейший, длиннуций, злоций-презлюций, широченный* и пр.).

Собственно нормативные качества родов входят в значения таксономической лексики (имен классов). Они из нее не выделены: поэтому, если норма меняется, нет надобности менять имя класса. Ненормативные признаки требуют специального обозначения. Они должны быть выделены и названы.

Нормальному состоянию мира соответствует чертеж, соединяющий

точки отсчета параметрических значений, но не сами эти значения⁵. Развитие семантики стимулировано аберрациями. Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику.

Фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных. Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков; при этом выбирается наиболее различительный — то, чем человека отметила природа. Определенные дескрипции и собственные имена (фамилии), не говоря уже о прозвищах и кличках, часто выводятся из названий ненормативных свойств: *Беспалов* и *Безухов*, *Долгоруков* и *Колченогов*, *Погорельский* и *Скалозуб*, *Безобразов* и *Безбородько*, *Косолапов* и *Кривошеин*, *Ломоко* и *Плевако* и т. п. И если бы это не обижало человека, тенденция к «аномальным» фамилиям была бы выражена ярче. Дело, впрочем, не только в обидах на судьбу и людей, а в том, что имена собственные, наряду со способностью к различению, выполняют еще и объединяющую функцию. Это «собственность» не только индивида, но также семьи и рода. Клички животных также не только идентифицируют особь, но в идеале включают ее в класс: *Мурка*, *Барсик* и *Тигрик* — это коты, *Лайка*, *Тарзан* и *Ужатай* — собаки. Обменяться именами они не могут.

Из сказанного следует, что аномалии и раритеты маркированы, а маркированные явления настоятельно требуют себе имя. Их обозначают прямыми номинациями. Внутреннее отрицание, если оно есть, подавляется номинативной функцией. Оно лексикализовано. Связь аномалий и раритетов с утверждениями прочнее, чем с отрицательными высказываниями. Напрасно было бы думать, что лексическое значение фиксирует норму, а его отрицание указывает на отклонение. Напротив, при построении отрицательных предложений «в уме» остается девиация, а в ассертивную часть «записывается» нормативное положение дел. Их главная задача — восстановить истину и порядок.

Нужда в прямой фиксации аномальных явлений и девиаций, как было показано, одинакова для выполнения как идентифицирующей, так и предикатной функции. Это один из немногочисленных пунктов, в котором интересы субъекта, призванного указать на предмет речи, и предиката, выражающего сообщаемое, сходятся.

Сообщения об аномалиях в ходе свободного общения очень естественно соединяются с характерными для этого жанра коммуникации целями: нежелательные девиации служат материалом для жалоб и раскаяний, упреков и обвинений, осуждений и сплетен, запрета и возмущений, предупреждений и угроз; позитивные выходы за пределы нормы дают повод для хвастовства и поощрения, для восторгов и радостных восклицаний.

Ненормативные явления не только имеют преимущественное право на обозначение, они регулируют также количество сообщаемой информации, ее обязательность или устранимость. Если делается краткое сообщение о некотором событии, то его ненормативность должна быть указана, но сведения о вариантах того, что входит в пределы естественного или социального порядка вещей, не обязательны и обычно устраняются. Так, например, в кратких биографиях людей, умерших своей смертью, непосредственная причина ухода из жизни, как правило, не фигурирует. Однако

⁵ Есть известная аналогия между этой ситуацией и рекомендацией аналитической философии искать истины в presupпозициях языка, а не в эксплицитных утверждениях.

в энциклопедических справках о Пушкине и Лермонтове указывается, что они были убиты на дуэли, в справке о Гарсии Лорке говорится, что он погиб от рук фашистов, о Маяковском сообщается, что он покончил с собой, и т. п. Названный принцип определяет истолкование предикатов широкой семантики. Они обычно не интерпретируются как относящиеся к патологическим событиям. Так, например, сочетание *взять деньги* не будет отнесено к краже, хотя, воруя, именно берут. Такая интерпретация может соответствовать только эфемистическому или ироническому употреблению. Вместе с тем под предикат *взять* могут быть подведены действия, соответствующие таким более частным значениям, как *вытащить, вынуть, извлечь, снять* (со шкафа), *схватить*, даже *купить*. Предложение *Я ушел* не может быть в общем случае интерпретировано как «Меня выгнали».

Ненормативные явления, таким образом, не только имеют право на прямую номинацию, но они не могут быть обойдены речевыми сообщениями. Чичиков имел право петь Селифану за то, что тот не сообщил ему о несоладках с бричкой, и Селифан эту правоту признал: «Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да не сказал».

Требование правдивости, предъявляемое к речи, предполагает, что в ней должна быть отражена ненормативная сторона события.

4.

В отличие от параметрической лексики в области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью: *хороший* означает «соответствующий норме», *плохой* сигнализирует об отклонении от нормы [22, с. 12]. Понятие нормы, таким образом, отождествляется с флагвым участком шкалы, а употребление прилагательных общей оценки организовано отношением «норма — не-норма». Именно эти значения воспринимаются как поляризованные. Соответствие аксиологической норме представляет собой, скорее, должное, чем действительное. Достижение нормы есть цель, а не отправная точка: хорошее бывает «уже» и «наконец», о плохом предпочитают думать в терминах «еще» и «все еще». Однако, сколь бы оптимистично не смотрел на мир человек, он принимает хорошее не как повседневное, а как явление, заслуживающее внимания и поощрения. О хорошем сообщается, к нему привлекают внимание адресата. Идентификация хорошего с нормой производится не относительно действительного, а относительно идеального состояния мира. Поэтому хорошее, хотя и принимается за норматив, ведет себя по законам отклонения от нормы. Сообщения о том, что объект удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям, столь же информативны, как сообщения об отклонении от нормы. Вследствие этого ситуация соответствия стандарту и особенно превышения нормы имеет такой же широкий выход в лексику, как и ситуация несоответствия. В этом случае фактор нормы подводится под закон концов шкалы.

Более того, во многих обществах, а, возможно, и повсеместно, правила коммуникации и ориентированность на положительные явления активизируют развитие и употребление лексики, относящейся к позитивному флагу шкалы. Психолингвистические опыты показали, что положительные оценки усваиваются детьми раньше, употребляются ими чаще (по крайней мере, в возрасте до 10 лет), что «приятные слова» легче запоминаются и стимулируют больше ассоциаций [24, 25]. Отрицательные смыслы образуются от положительных, а не наоборот. Это свидетельствует о ба-

зисном положении в словаре позитивных оценок. Если присоединение негативизирующего суффикса к слову положительной оценки ведет к изменению оценки (*красивый* — *некрасивый*), то обратное явление зарегистрировано гораздо реже: так, *невеселый*, *нерадостный*, *непривлекательный*, *несчастливый* — употребительны, а **неуродливый*, **непечальный*, **небезобразный*, **неотвратительный*, **недрянный* и т. п. — нет. Синтаксическое отрицание чаще сочетается с позитивными предикатами, чем с негативными. Это показывает, что исходной предпосылкой сообщения служит положительная норма. Крен в сторону положительного конца аксиологической шкалы в психолингвистических исследованиях принято называть «принципом Поллианы». Этот принцип требует устранения или смягчения неприятных тем и сообщений. Он обозначен по имени героини одного из романов Э. Портер [24].

Лексическое развитие концов шкалы, направляющее язык в сторону ненормативных явлений и признаков, и «принцип Поллианы», обогащающий лексику позитивными оценками, демонстрируют, что под влиянием прагматических факторов лексическая семантика заметно сдвинута по сравнению с картиной мира, во-первых, — в сторону ненормативных явлений и, во-вторых, — в сторону идеализированной (позитивной) нормы. Развитие концов шкалы ведет к поляризации значений и возникновению антонимии, «принцип Поллианы» укрепляет связи языка с идеализированными представлениями.

Отрицательные явления воспринимаются обычно как отклонение от нормы, но сами эти явления не нормируются. Понятие норматива не относят к циклонам и бурям, к болезням и неприятностям, к ссорам и скандалам. Хотя врачи говорят, что болезнь протекает нормально, они избегают использовать это выражение по отношению к неизлечимым недугам. «Нормально» (так отвечают на вопрос *Как дела?*) — это почти хорошо. Закономерностями протекания отрицательных процессов занимаются специалисты. Из нормативной картины мира (т. е. из системы норм) среднего человека эти процессы как бы удалены. Из нее вообще изъято зло. Норма применяется к позитивным явлениям, мера — к злу и к наказанию за зло.

Нежелание видеть правила и правильность в протекании неправильного и несправедливого отражается в употреблении оценочных наречий, критерии функционирования которых в большой мере определяются отношением к норме [26]. Следующий пример покажет роль в их употреблении норматива. О ребенке, выходящем из грудного возраста, говорят, что он еще плохо (или уже хорошо) стоит. Можно сказать о начинающем йоге или гимнасте, что он уже хорошо стоит на голове (или на руках). Обучение входит в позитивные представления. Оно ориентировано на норму, отношение к которой служит критерием оценки. Обычное же «стояние» (даже в очереди) никак не оценивается, поскольку оно лишено норматива. Можно оценить лишь глобальное состояние и действие: *Плохо стоять в очереди*, *Хорошо стоять на берегу моря*. Оценка глобальных состояний и «стояний» выражается не наречием, а предикативом.

Однако к строю, в котором стоят по правилам строевой службы, адвербиальная оценка применима: «Через четверть часа выстроились. Как плохо стоят. Головы понурены, глаза замутнены, многие по-стариковски оперлись на винтовки» (А. Бек). Между тем о нетрезвом человеке не скажут, что он плохо (или еще хорошо) стоит. О нем можно сказать, что он еще держится или уже не держится (не стоит, не тверд) на ногах. Хотя алкоголь отрицательно влияет на «чувство вертикали», и это воздействие закономерно, оно не ассоциируется с нормой. Это исключает употребле-

ние оценочных наречий. Поведение нетрезвых людей может прогнозироваться, но оно не имеет нормативов и правил.

То же относится и к оценке тех процессов, протекание которых имеет некоторую оптимальную фазу (кульминацию, «звездный час»), достигая которую объект удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям. Этой фазой завершается положительная часть траектории процесса. Минув оптимальную точку, процесс может продолжаться и достигнуть своего естественного конца, руинировав объект. Отношение к оптимальной точке выражается оценочными наречиями, отношение к естественному концу — наречием *совсем*. Вот характерный пример: «Ефим! Блюди особенно ты за растением сим; Пусть *хорошенько прозябает*». Зима настала между тем. Помещик о своем растении вспоминает. И так Ефима вопрошает: «Что? *Хорошо ль растение прозябает?*» — «Изрядно — тот в ответ, — *прозябло уж совсем!*» (К. Прутков). Можно употребить *совсем* для выражения отношения к оптимуму, но нельзя использовать ни *хорошо*, ни *плохо* для обозначения отношения к конечному пределу процесса, если его достижение нежелательно.

Обе оценки — *хорошо* и *плохо* — распространяются только на позитивные процессы или на их позитивную часть: *хорошо* означает, что процесс протекает нормально (при несовершенном виде глагола) или что он достиг оптимальной точки (при совершенном виде глагола), *плохо* означает, что движение (развитие) отклоняется от нормы (для несовершенного вида глагола) или что оно еще не достигло оптимума: *Картофель плохо (хорошо) растет. Картофель хорошо (еще плохо) поджарился*.

Поскольку негативные процессы не нормируются, оценка не применяется для характеристики их протекания. Нельзя сказать *Цветок хорошо (плохо) вянет*. Можно сказать о выстиранном белье *Белье плохо сохнет*, но оценка не применима к сухостю: нельзя сказать *Дерево плохо сохнет*. Однако краснодеревщик может отнести оценку к своему материалу и посетовать: *Дерево (древесина) плохо высыхает*. Хотя к худощавому пожилому человеку применимо сочетание *сухой старик*, никто не скажет о нем, что он хорошо (плохо) высох. Вне особых обстоятельств не употребительны сочетания * *плохо горбиться*, * *хорошо прохудиться (залосниться, запялиться, обветшать)*.

Итак, оценка, сигнализирующая об отношении к норме, накладывается на предварительную оценку самого процесса. Ей предшествует выяснение того, благоприятен ли он или нет с точки зрения человека и человечества. *Хорошо льет!* можно сказать только о дожде, проливающимся на благо человека. Угроза потопа или ущерба урожаю выводит из предложения оценочное наречие.

Изучение сочетаемости оценочных наречий помогает определить границы нормирующей деятельности человека, а следовательно, и границы «нормального мира», устремленного к идеалу.

5.

Аномалии во взаимодействии событий и признаков оказывают большое влияние на формирование синтаксических отношений. Они определяют употребление уступительных союзов, частиц (это хорошо показано в [7]), функционирование конъюнкции и дизъюнкции [27, 28] и ряд других аспектов синтаксиса предложения. Здесь нет возможности на этом останавливаться. Рассмотрим коротко только вопрос об отношении между аномальными явлениями и отрицательными высказываниями.

Поскольку отклоняющиеся явления располагают прямыми наименованиями, для сообщения о них нет нужды в отрицании. Чаще говорят *Он опоздал*, чем *Он не пришел во-время*, *Я проспал*, чем *Я не проснулся во-время*. Конечно, можно прибегнуть и к отрицанию, но оно либо используется с целью смягчения высказывания, либо обусловлено предтекстом (*Он обещал прийти во-время, да не пришел*). Между прочим, отрицание не позволяет сообщить о мере девиации: *Он опоздал на час*, но не * *Он не пришел во-время на час*. «Не-действие» не может иметь ни измерений, ни способа осуществления.

Следует также помнить, что отклоняющиеся для одного класса предметов свойства нормативны для других классов. Они поэтому также имеют прямые наименования. Если бы вдруг вырос не желтый лютик, то, сообщая об этом феномене, сказали бы, что лютик оранжевый (красноватый, совсем белесый). Отрицание в этих условиях (особенно, если выбор не двоичен) менее информативно, чем утвердительное высказывание.

Однако в определенных конструкциях отрицание может использоваться для обозначения отступлений от нормы. Таково контрастивное отрицание в предложениях таксономической предикации: *Это не человек, а тысяча несчастий*; *Это не кот, а бандит*.

Отступление от нормы может маркироваться отрицанием в предложениях, вводимых показателем ирреальности как *будто*, как *если бы*: «Это было сказано так, как будто она не учительница, а мы не ученики» (В. Каверин). В обоих случаях для выявления аномалии отрицается истинная или общепринятая категоризация объекта. Смысл отрицания сводится к указанию на то, что принадлежность к данному классу по общепринятым представлениям должна соответствовать иным следствиям (иной модели поведения) сравнительно с тем, что имеет место в действительности: если это кот, то он должен вести себя как кот, а не как бандит; если это учительница, то она не должна разговаривать с учениками на равных.

Приведенные примеры показывают, что отрицание используется в сообщениях об аномалиях в условиях неиндикативных видов модальности и контраста. Эти факторы действительны и для других случаев, ср. запреты на девиации (*Не укради*), осуждение за отступление от правил (*Ты не должен был вмешиваться*), предостережения (*Не зная броду, не суйся в воду*) и пр.

Основные же функции отрицательных высказываний в аномальных ситуациях состоят в том, что они выражают реакцию на непорядок в мыслях, мнениях и представлениях (1) и сигнализируют о несоответствии ожидаемого действительному (2). Эти функции не разграничены четко. Т. Гивон в статье о прагматике отрицания справедливо отметил, что «негация уместна только тогда, когда соответствующее позитивное событие — или изменение в инертном состоянии мира — оказалось включенным в фон, тогда как в норме оно составляет фигуру» [2].

В п е р в о м из двух названных выше случаев отрицательное высказывание стимулируется ошибочным суждением, ложью, искаженным представлением о положении дел. Задача отрицательного предложения — восстановить порядок и истину в мире мыслей. Для них характерен контекст диалога, спора, дебатов.

Непосредственный предтекст может отсутствовать. Отрицание в этом случае направлено против ходячих истин, общих мест или нормативных для данного общества представлений. Такое употребление характерно для романтической прозы, повествующей об исключительных личностях и событиях: «Няньки не ухаживали за моим младенчеством, не убаюки-

вали моей колыбели, и мать моя не приходила в ужас, когда я бегал по грязи босыми ногами» (Н. Ф. Павлов).

Во втором из указанных выше случаев речь идет об отклонениях от программ, планов и замыслов, об обманутых ожиданиях и несбывшихся мечтах. Ожидания нередко бывают продиктованы естественным ходом событий, правилом, привычной диспозицией предметов. Нарушение порядка обозначается отрицательным высказыванием. Вот как описывает этот механизм Б. Рассел: «Допустим, вы берете сахар, думая, что это соль; когда вы попробуете его, вы, по всей вероятности, скажете: „Это не соль“. Когда вы ищете что-либо потерянное, вы говорите: „Нет, этого здесь нет“, после вспышки молнии вы можете сказать: „Я не слышал грома“. Если бы вы увидели аллею из букв с одним вязом среди них, вы могли бы сказать о нем: „Это не бук“» [29].

Следующий пример иллюстрирует употребление отрицательных предложений в ситуации отклонения от намеченной программы: «Он ... призвал к себе Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, чтобы завтра же в шесть часов выехать из города непременно... Н и ч е г о, о д н а к о ж е, н е с л у ч и л о с ь т а к, к а к п р е д п о л а г а л Ч и ч и к о в» (Гоголь).

Итак, отрицательные высказывания реагируют либо на содержащиеся в явном или неявном предтексте аномалии (прежде всего, на нарушение правила истинности), либо на неосуществленность замысла.

6.

Мы подошли к конечному пункту «сквозного действия» аномалии — ее роли в словесном творчестве. Эта проблема в одно и то же время и сложна и тривиальна. Ограничимся указанием на те области словесного искусства, в которых идет постоянная борьба между нормой и девиацией, и коротким комментарием к теме.

Проблема девиаций встает в применении к следующим сторонам словесного творчества: 1) к отбору материала (эпох, персонажей, ситуаций, хода событий и пр.), 2) к его обработке (художественному методу), 3) к правилам поэтики, сложившимся в определенной школе, 4) к языку (семантике, словообразованию и синтаксису), 5) к структуре текста (композиции, степени связности и последовательности, принципам монтажа, эксплицитности и т. п.). Тема художественных вольностей дает возможность высказать следующие соображения.

1. Некоторые литературные жанры (повесть, рассказ, сказка) сложились непосредственно на базе фатической коммуникации. Неудивительно поэтому, что они переняли ряд характерных для нее черт. Они, в частности, отдают предпочтение необычному, аномальному, завлекательному. В интродукциях к повествованию рассказчик часто прямо предупреждает, что, мол, вот какое необычное или необъяснимое событие произошло, «хотите — верьте, хотите — нет». Автор подчас и сам как бы удивляется своему рассказу. Нимало не заботясь о его правдоподобии, он в то же время настаивает на его правдивости. Он хочет обратить небыль в быль, небывалое в бывшее. В концовке «Носа» Гоголь пишет: «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты... Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых, ... но и во-вторых тоже нет пользы... И все однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают». Жизненная «неправда» становится художественной правдой.

2. Ряд литературных жанров сложился как результат выбора определенной области отступлений от жизненного стандарта. Таковы героические поэмы, рыцарский роман, приключенческая литература, детектив, плутовской роман, фантастика, готический роман, жанр ЖЗЛ, исторический роман.

3. Поскольку язык охотнее фиксирует в своей семантике аномалию, чем норму, он предоставляет больше выразительных средств романтику, чем реалисту. Он как бы подталкивает автора к отбору того жизненного материала, который может быть легче и естественней вербализован. В этом же направлении ведет автора и ориентация на индивидуальное.

4. Если прозаик сосредоточен на «прозе жизни», то он прибегает к такому методу ее художественной обработки, который выводит ее за пределы нормы. Этим целям служит гротеск, глобальная гипербола (раблезианство), сатира, комедийность, фарс, шарж, остранение, обманутое ожидание. В повествование вводятся видения и сновидения, бред и абсурд, полеты во сне и наяву, потусторонние явления и мифические персонажи, необъяснимые каузальные связи между событиями и многое другое. Методика обращения обыденного в необычное, нормы — в аномалию хорошо разработана и легко усваивается. Ею часто злоупотребляют. Более сложный случай представлен денормализацией обыденной жизни путем придания ей символической значимости.

5. Новые направления и школы складываются в борьбе с традицией. Известно, как строго обошлись с классицизмом романтики, с романтиками — реалистическое направление XIX в. и натурализм, как страдал реализм от символистов начала века, как не пощадили символистов их различные преемники и как их ущемляют в наше время постмодернисты. Чем более классические формы принимает поэтика враждебной школы, тем более агрессивна борьба с ней. Это хорошо видно в манифестах и декларациях разных авангардистских направлений [30]. Ломка правил приобретает эпатирующий характер. Постмодернизм, сменивший разные формы «поэтики девиаций», вынужден распатывать наиболее глубинные и стабильные конвенции литературы (например, условие непротиворечивости фактов). Другим его ресурсом является стилизация — условное возвращение к «чужой» поэтике, делающее из нее игру и объект иронии. Постмодернизм живет в контексте культуры.

6. Специфика художественной речи определяется многочисленными видами девиаций от семантического стандарта. Девиации можно огрубленно разделить на две категории: 1) сводимые (с потерей образности и силы) к семантическому стандарту (риторические тропы и фигуры), т. е. интерпретируемые аномалии, 2) несводимые к стандартной семантике (прагматические аномалии, абсурд, нонсенс), т. е. непосредственно не интерпретируемые аномалии.

7. Нарушения семантических правил обычно складываются в некоторую новую поэтическую систему. Новая поэтика необходимо порождает новые правила интерпретации. Чем больше используется «поэтика девиаций», тем больше правил возникает на другом конце литературной коммуникации.

8. Формы традиционного искусства, предназначенные для многократного «потребления» (они привязаны к ситуациям «вечного» кругооборота жизни и функционально близки ритуалу), в меньшей степени эксплуатируют «поэтику девиаций». Они рассчитаны на восприятие узнавания, основанное на схемах перцептивного предвосхищения (если

воспользоваться термином когнитивной психологии), обеспечивающих идентификацию объекта.

9. Суть творчества, разумеется, не состоит в поисках аномалий. Величайшие вершины словесности находятся в согласии и с нормами жанра, и с языковыми правилами. Русская словесность «удостоила своим доверием» Пушкина, Толстого и Чехова. Классическая форма неотделима от содержания. Она единственна. Если метафора — это победа над языком, то классический стиль — это победа языка.

10. Богатый материал для наблюдений над отбором и интерпретацией жизненных фактов с точки зрения их нормативности дает мемуарная литература. Когда речь идет о великих людях, на первый план выдвигаются их общечеловеческие свойства (доброта, простота, застенчивость, отзывчивость, скромность и т. п.). Это «человечивает» поднявшихся в нечеловеческий рост. Коль скоро в фокус воспоминаний вовлекается средний человек, акцент переносится на его незаурядность, подтверждаемую чудачествами и странными привычками. А. И. Панченко в воспоминаниях о В. И. Малышеве отметил эту тенденцию мемуарной литературы: «Одна из опасностей беллетризации состоит в том, что персонаж выглядит как бы гримированным, причем в гриме используются лишь немногие, но непременно броские, анекдотического свойства черты прототипа» [31].

*

В заключение мы хотим подчеркнуть, что в наше время членение наук на частные отрасли компенсируется их взаимовлиянием и созданием промежуточных дисциплин, позволяющих изучать не изолированные феномены, а комплексы (циклы) каузально связанных явлений, относящихся к разным сферам жизни. Познание не может пренебречь фактором целостности. Прагматика, если не ограничивать ее задачу изучением механизмов коммуникации и обусловленных ими смыслов, направлена на исследование языка в контексте смежных с ним феноменов.

Мы позволим себе закончить «антиэпиграфом», ставящим «светило» («святыню красоты») выше «беззаконной кометы»:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей
(Пушкин)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перельмутер И. А.* Философские школы эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
2. *Givón T.* Negation in language: pragmatics, function, ontology // Syntax and semantics. V. 9. New York — San Francisco — London, 1978. P. 104.
3. *Hopper P., Thomason S.* Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. V. 56.
4. *Chvaní C. V.* Background perfectives and plot line imperfectives: toward a theory of grounding in text // The scope of Slavic aspect. Columbus, 1985.
5. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P., 1983. P. 41.
6. *Wright G. H. von.* The varieties of goodness. L., 1963. P. 56.
7. *Николаева Т. М.* Функция частиц в славянских языках. М., 1985. С. 54—55.
8. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 80.
9. *Кляйн М.* Математика. Потеря определенности. М., 1984. С. 66.
10. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 163.

11. *Shibles W.* Wittgenstein language and philosophy. Dubuque (Iowa), 1969. P. 14.
12. *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семантика и информатика. 1982. Вып. 18.
13. *Engel S. M.* Wittgenstein's doctrine of the tyranny of language. An historical and critical examination of his Blue Book. The Hague, 1971. P. 124.
14. Wittgenstein: to follow a rule. L., 1981.
15. *Салигерстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975. С. 19.
16. *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Text. Język, Poetyka. Wrocław, 1978.
17. *Wright G. H. von.* Norm and action. N. Y., 1963.
18. *Ивин А. А.* Логика норм. М., 1973.
19. *Караулов Ю. Н., Молчанов В. И., Афанасьев В. А., Михалев Н. В.* Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову / Отв. ред. Бархударов С. Г. М., 1982.
20. *Осорица М.* «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10.
21. *Нэйссер У.* Познание и реальность (смысл и принципы когнитивной психологии). М., 1981.
22. *Bierwisch M.* Some semantic universals of German adjectivals // Foundations of language. 1967. V. 3. № 1. P. 10—11.
23. *Аристотель.* Соч.: В 4-х т. Т. 4. М., 1984. С. 89.
24. *Boucher J., Osgood C.* «The Pollyana Hypothesis» // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1969. V. 8. № 1.
25. *Николаева Т. М.* Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языковедение. М., 1983. С. 237.
26. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985. С. 134.
27. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. М., 1986.
28. *Санников В. З.* Значение союза «но»: нарушение «нормального» положения вещей // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
29. *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957. С. 156.
30. Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М., 1986.
31. *Панченко А.* О Владимире Ивановиче Малышеве // Знание — сила. 1986. № 7. С. 40.